

века. Гражданин большинством древнерусских князиков с нашей точки зрения оказались бы платилорами и комментаторами чужих произведений. Но, будучи и теми и другими, они не выставляли из жизни создаваемых ими списков, новых редакций произведений своих собственных имен, а если и выставляли, то не видя в этом нарушения «авторского права». Это происходило потому, что коллективность творчества, характерная для фольклора, еще не была забыта в древней Руси. Особенно ярко эта коллективность творчества проявилась в летописании, где каждый летописный свод являлся продолжением и соединением работы многих десятков летописцев. Ясно, что в эпоху, когда представления о личном характере творчества не успели в достаточной мере сложиться, вопрос о моральной стороне подделки должен подниматься в строго историческом аспекте. Не может этот вопрос стоять и тогда, когда подделка ставит себе художественные задачи мистификации (Д. Манфрерсона, П. Мерима и пр.).

Однако историк обязан быть непримиримым к современным нам фальсификациям. Ничего кроме возмущения не могут вызвать подделки, которыми широко пользуется в последнее время К. С. Бадигин, спекулируя на патристических чувствах советских читателей. В его статьях и книгах мы находим ссылки на записки некоего Ивана Новгородца, на фантастические карты плавания Амоса Корвинича еще в XIII в., на «юртреки» Ивана Новгородца, якобы имевшийся на одной из икон, ссылки на несуществующие вкладные книги, на источники, в которых отсутствует тот текст, который приводится К. С. Бадигиным, и т. д.¹⁹

В наше время, когда представления об исторических источниках, об их научной ценности и литературной собственности стоят на достаточно высоком уровне, фальсификация памятников не может иметь никакого исторического оправдания. Объективно она приносит очень большой научный и политический вред. Поэтому всякого рода фальсификации исторических источников должны стать предметом пристального общественного внимания, а сами фальсификаторы привлекаться к суду общественности — так же, как привлекаются к суду деловики и производители, фальсификаторы, подделыватели произведений искусства.

¹⁹ О фальсификациях, которыми пользуется К. С. Бадигин, см.: В. В. Мавро-дид и И. Против фальсификации истории географических исследований. «Изв. Всесоюз. географ. об-ва», т. XX. М.—Л., 1938, стр. 81—86.

О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОСТАВА И СОДЕРЖАНИЯ УТРАЧЕННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

(На примере фонда Военного приказа)

В. И. АВТОКРАТОВ

История центральных правительственных органов Русского государства — приказов — заслуживает глубокого исследования. Между тем, из весьма значительного числа приказов (только во второй половине XVII в. их насчитывалось до 50, а в XVI — начале XVIII в. их было около 100) лишь очень немногие подверглись обстоятельному изучению.

В значительной мере это объясняется узостью документальной базы исследования: более или менее целостно сохранившиеся фонды приказов не так много, от фальсификата приказов до нас дошли лишь обрывки делопроизводства. Материалы ряда приказов погибли целиком (иногда за исключением отдельных дел и документов). О них мы можем судить (далеко не всегда достоверно и не во всех случаях) на основании сведений, извлеченных из других фондов.

Автор настоящей статьи ставит задачу показать некоторые пути и способы восстановления в целях научного исследования состава и содержания утраченных архивных фондов приказов на примере фонда Военного приказа.

Речь идет не о собирании вообще источников по истории конкретного приказа и не о физическом восстановлении утраченной документации, а о гниетическом воспроизведении *фонда*, т. е. той совокупности делопроизводительных материалов, которая сложилась в результате деятельности учреждения-фондообразователя. Самостоятельно задача подобного рода, насколько известно, ставится впервые¹, хотя не секрет, что многие авторы в поисках необходимых источников выкапывали отдельные звенья такой работы.

Приказное управление уже во второй половине XVI в. представляло собой целостную систему органов государственной власти с развитым делопроизводством, однако от самого последнего сохранились лишь незначительные остатки.

XVII в. и начало XVIII в. в этом отношении несравненно богаче, что позволяло ряду советских² и дореволюционных³ авторов создать исследования, основанные на материалах целостно сохранившихся фондов приказов (хотя понятие целостно сохранившегося фонда весьма относительно; целиком сохранившихся фондов приказов вообще нет).

Гораздо меньше возможности предоставлены тем историкам, которые интересовались приказами, фонды которых в целостном виде до нас не дошли. Прейде чем исследовать сохранившийся круг источников, его нужно было обнаружить в море архивных бумаг. Дело в том, что сохранившиеся фрагменты фондов в большинстве случаев попали не в состав других фондов. В некоторых случаях это — неслучайные остатки некоего значительного делопроизводства.

Касаясь возможности встретить исследователи в от архивных поисках, показываю, например, опыт Н. М. Сухотина, опубликованного неопубликованного разрозненных служивших в 1813 г. с предисловием о материальной помощи и освобождении от наказания печатных возниц. Эти неопубликованные отложились в фонде Печатного приказа, но каким-то образом попали в фонд карательного органа на политическим делам концы XVII в. — начала XVIII в. — Преображенского приказа. В свою очередь в столбцах Печатного приказа Сухотин нашел отдельные бумаги четвертных приказов, действовавших в 120 (1611—1612) году в подмосковных таборах Труubeцкого и Заруцко-го⁴.

¹ Физическое воссоздание утраченных материалов с целью восстановления истории Государственного архивного фонда — дилемма задача, особенно остро вставшая в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Некоторые сведения об этом имеются в учебном пособии Е. П. Мятлева «Теория и практика архивного дела» (М., 1946, стр. 135—141). См. также выступления В. В. Макарова и др. в стенах Восточной конференции архивистов 1943 г. (архив ГАН СССР).

² А. В. Черяев. Очерки из истории Поместного приказа. [М.], 1947. Рукопись; Н. Б. Годикова. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. Изд. Моск. ун-та, 1937; К. А. Софронов. Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII в. начала XVIII века. М., 1952. Рукопись докт. диссертации. В 1960 г. под тем же названием эта работа в сокращенном виде задана на ротационтах МГУ. См. также ее статью: «Деятельность Малороссийского приказа Русского государства во второй половине XVII — начале XVIII в.», «Вестник МГУ», Серия экономич., философич. права, 1957, № 2, стр. 137—150; В. В. Томашевский. Алтеевский приказ в XVII веке. Л., 1952. Рукопись канд. диссертации и др.

³ Н. Е. Бранденбург. Материалы для истории артиллерийского управления в России. «Приказ артиллерии» (1701—1720 гг.). СПб., 1876; М. И. Горчаков. Монастырский приказ (1649—1725 гг.). СПб., 1888; С. А. Белокурова. О Носовском приказе. М., 1906; Н. Я. Гудлянд. Приказ великого государя военных дел. Ярославль, 1902; А. И. Заворзин. Парская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной деятельности царя Алексея Михайловича. Изд. 2-е. М., 1937 (1-е изд.: Царь Алексей Михайлович и его хозяйство. Цг., 1917); И. И. Шихов. Патриарший названный приказ, его вехи истории, устройство и деятельность. М., 1893.

⁴ «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. Столицы Печатного приказа». Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1915, стр. IV.

Настоящие неожиданности таит в себе многочисленная коллекция старинных документов, хранящиеся до сих пор в отделах рукописей библиотек и музеев.

Если обнаруженная исследователем документация оказывалась хоть и небольшой, но компактной группой материалов, то представлялась возможность создать серьезное научное исследование об истории данного приказа. К числу таких работ можно отнести статьи: М. М. Богословского о Литовском и Смоленском приказах, В. И. Троицкого о Золотом и Серебряном приказах, Н. Н. Оглоблина о Московской померной избе, С. А. Белокурова о Записном приказе и др.⁵

Но если историки располагали лишь отрывочным материалом, а их попытки обнаружить дополнительные источники не достигли успеха или вообще не предпринимались, то им не удавалось создать целостной картины деятельности приказа⁶.

Большинство авторов ничего не сообщает о путях своих разысканий, а некоторые ограничиваются общими указаниями на неиспользованные группы материалов и даже просто архивы.

В то же время фиксация очень интересных поисков источников имеется в сравнительно небольшой работе И. Я. Гурлянда о Приказе сыскных дел⁷.

Этот приказ долгое время был совершенно неизученным учреждением. Опубликованный автором материал не давал оснований сделать какие-либо определенные выводы. Нужен был компактный документальный материал. «Но где искать его. Почему в одном архиве, а не в другом?».

Среди материалов Разрядного приказа Гурлянду удалось найти несколько документов, но относящихся к делопроизводству Приказа сыскных дел, но в которых упоминались о нем. В одном из них говорилось, что уже в 1685 г. в Разрядном приказе не знали, где находится дела Приказа сыскных дел. Стало быть, в материалах Разрядного приказа искать делопроизводство Приказа сыскных дел не имело смысла. Другой документ свидетельствовал, что в 1648—1643 гг. для Приказа сыскных дел был установлен самостоятельный штат кодычких. «Этот документ открыл весь, ранее сообщал Гурлянд, предположивший, что до тех лет дела приказа велели чиновниками другого учреждения, как это часто бывало в приказной практике. Следовательно, его делопроизводство нужно искать в материалах этого другого, еще неизвестного приказа».

Автор обратил внимание на то, что дела Приказа сыскных дел одновременно хранились в Галицкой палате, а впоследствии эти приказы и одновременно Гурлянд издал в кн. П. А. Ревина. Тогда исследовал собой выписки «Дела Приказа сыскных дел» должны были попасть в тот архив, в который передали дела Галицкой палаты, т. е. в Архив Оружейной палаты, искать их в этом огромном архиве нужно среди «дел дворцовых приказов»⁸. Соображения оказались правильными, поиски увенчались успехом.

⁵ М. Богословский. Приказы великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве. ИМНЦ, 1906, август, стр. 220—242; В. И. Троицкий. Организация золотого и серебряного дел в Москве в XVII в. «Историческое записки», т. 12. М.—Л., 1941, стр. 96—127; Н. Оглоблин. Московская померная изба. «Чтения ОИДР», 1889, № 2, стр. 1—24; С. А. Белокурова. О Записном приказе («записывать степеня и грани царствейные») 1657—1659 гг. «Чтения ОИДР», 1900, № 3 (194), стр. 53—84.

⁶ Нил Попов. Вопрос о Приказе кудецких дел. ИМНЦ, 1889, февраль, стр. 237—253; Н. Оглоблин. К истории Челябинского приказа (1642—1644). Там же, 1892, июль, стр. 232—298; А. Лохвицкий. Писевый приказ. Там же, 1857, стр. 24—25; Н. Бранденбург. О судебной юрисдикции Пушкарского приказа в XVII столетии. «Артиллерийский журнал», 1891, № 4, стр. 323—328 и др.

⁷ И. Я. Гурлянд. Приказ сыскных дел. В кн. «Сборник статей, посвященных М. П. Владимировскому-Будалову». Киев, 1904, стр. 87—100.

⁸ Гурлянд знал, что «созданы и книги, входящие в обширейшую коллекцию Оружейной палаты (или «Архив Оружейной палаты»), представляют собой самостоятельный комплекс фондов ряда дворцовых приказов (Казенного, Большого двора, Золотого, собственно Оружейной палаты и др.), а также частей фондов дворцовых учреждений — «четвертей» (Новой, Галицкой, Устюжской и др.) и примыкающих к ним приказов».

Гурлянд подчеркнул, что рассказывал об этом еще с тем, чтобы со всей подробностью восстановить путь произведенных разысканий. Важно установить, что мы пользовались не случайно оказавшимися делами, а архивом Приказа сыскных дел. Для нас же интересен и сам путь исканий, ибо Гурлянд был одним из первых, кто раскрыл картину активных поисков делопроизводства неизвестного приказа.

Не менее интересную работу задумал С. К. Богоявленский, занимавшийся вопросом о Пушкарском приказе. Не обнаружив целостного комплекса материалов («кудцели», — писал он в 1917 г., — только кое-какие обрывки, расселиные теперь по казенным и частным архивам), Богоявленский поставил перед собой задачу «привлечь делопроизводство других приказов, ...которые имели некоторые сношения с Пушкарским». Однако, наметив правильный вспомогательный путь создания обширного круга источников, Богоявленский не пошел по нему, ограничившись исследованием незначительного числа документов из переписки с Пушкарским приказом. Главная же его ошибка заключалась в том, что он счел архив приказа «погибшим»: он не знал, что в Архиве Артиллерийского музея в Петрограде имелся значительный комплекс материалов Пушкарского приказа.

Лишь через 30 лет об архиве Пушкарского приказа появилась статья А. П. Лебединской, а затем ее же кандидатская диссертация «Пушкарский приказ», поглотившая эту статью⁹.

На этот раз была подробно изучена история фонда, что и позволило автору установить места хранения документов Пушкарского приказа в настоящее время в таком объеме, который в круг исследованных источников материальности семи архивохранилищ. Лебединская продолжила работу Богоявленского и в других, в качестве дополнительных источников она привлекла документы тех приказов, с которыми Пушкарский приказ «был в переписке», а также воспоминания современников и прочие материалы.

В еще более трудных условиях находился другой советский исследователь — А. П. Сперанский, монография которого о Приказе каменных дел¹⁰ вообще была построена без материалов фонда этого приказа, по-видимому целиком погибших в пламени московского пожара 1737 г. К сожалению, автор никак не обмолвился о путях поисков необходимых источников, но из сравнительного подстрочного аппарата видно, что документы собирались им буквально по крупицам из фонда Разрядного приказа, казенной Оружейной палаты, «Приказных дел старейших» и др. ввиду их широкого использования опубликованных материалов.

В настоящее время составной приказного делопроизводства известно довольно хорошо. Выяснены виды, приемы и порядок составления документов в приказах и на местах, весь «документоборот». Это облегчает задачу «восстановления» утраченной документации, поскольку в сохранившихся фондах имеются документы, аналогичные погибшим, но другой «категории подлинности».

Приказная документация, как и всякая документация развитого делопроизводства, по своему характеру разделялась на *внешнюю*, предназначенную для сношений с другими учреждениями и лицами, и *внутреннюю*, но выходящую из стен приказа.

Основу внешней документации составляла переписка, складывавшаяся из «грамот» — распоряжений местным властям, «памятей» — отписаний, которыми приказы сносились между собой, и «отписок» — донесений в приказы с мест.

Следовательно, если мы обнаружим фонды приказов, имевших в свое время по-

⁹ С. К. Богоявленский. О Пушкарском приказе. В кн.: «Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского». Пг., 1917, стр. 361.

¹⁰ А. П. Лебединская. Архив Пушкарского приказа. «Вопросы истории», 1936, № 1, стр. 122—136; ее же. Пушкарский приказ. Опыт научного исследования артиллерийского ведомства, управления и производства в Московском государстве в XVII столетии. Л., 1949. Рукопись канд. диссертации.

¹¹ А. П. Сперанский. Очерк по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

стоянную переписку с интересующим нас фондообразователем, то в них мы найдем как подлинные наметки, приказы или в том числе, с которыми велась переписка, так и отписки наметки, посланных в тот же приказ. Равным образом в фондах местных воеводских учреждений — съезских, или связанных изъ должны сохраниться подлинные грамоты и отписки отписок.

Важнейшей частью внутренней приказной документации были «сукавы», содержащие запись постановлений Боярской думы или распоряжений приказного судьи. Подлинник указа сохранялся в делопроизводстве, его содержание заносилось в записные книги и иногда излагалось в грамотах и памятях.

Для изучения документальной базы истории приказов большое значение приобретает исследование истории и современного состояния их фондов. Последнее не только помогает размыкать расплывчатые фрагменты бывшего делопроизводства, но и сопоставить материалы различных структурных частей фонда, с тем чтобы во взаимной правдивости их оценить. Источниковедение здесь слагается с другой научной дисциплиной — историей архивного дела, в свете которой проявятся многие «неожиданности».

Исследователь, относящийся к живым интересам к судьбе документальных собраний, чувствует себя гораздо уверенней в своих поисках, чем тот, кто подходит к архивным документам, если так можно выразиться, «узко потребителем».

Весьма показательным провалом, постигшим дореволюционного исследователя Н. П. Загоскина, попыткам было выяснить компетенцию структурных подразделений Разрядного приказа¹². Загоскин ознакомился с существовавшей в его время структурой фонда (она в таком виде существует и сейчас) и считал содержание материалов структурных подразделений — «столов» — соответствующим функциям реально существовавших столов приказа. Между тем, это очень далеко от истины, поскольку дела Разрядного приказа настолько перепутались, что перестали соответствовать тем столам, за которыми они числились.

Естественно, что перед Загоскиным, принявшим распределение дел по столам историческим, шедшим от времен существования приказа, встал ряд «необъяснимых» фактов. Например: почему в одной из книг Белгородского стола «помещаются» смотренные списки служивых людей таких далеких от Белгорода городов, как Гдов, Опочка, Острел, Изборск? По-видимому, решил автор, наличие факт временного расширения «ведомства» Белгородского стола. На самом деле Загоскин говорил о книге Новгородского стола, случайно попавшей в материалы Белгородского стола.

В итоге работа Загоскина оказалась перенасыщенной подобными ошибками и в значительной мере показала необходимость глубокого исследования исторической структуры Разрядного приказа и истории его фонда.

В свое время сотрудники Московского архива Министерства юстиции немало сделали для того¹³ и другого¹⁴.

Итак, работы Гурьянца, Боговяленского, Сперанского и Лебедеванской показывают, что их авторы, не стремясь к воссозданию состава и содержания утраченных фондов, применяли два главных приема собирания архивных материалов: поиски сохранившихся остатков делопроизводства и использование переписки фондообразо-

¹² Н. Загоскин. Столы Разрядного приказа по хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции книгам их. Казань, 1878.

¹³ Н. Н. Оглобин и П. Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М., 1884 (оттиск из ОМАИО, кн. 4); его же «Киевский стол» Разрядного приказа. «Киевская старина», 1886, ноябрь, стр. 536—552; А. Голубевский. Столы Разрядного приказа в 1668—1670 годах. ЖМНП, 1890, июль, стр. 1—17; С. Боговяленский. К вопросу о столах Разрядного приказа. Там же. 1894, июль, стр. 401—443; Н. Ардашев. Вопрос о Поместном столе в связи с помещичьим деятельностью Разряда. Там же, 1895, август, стр. 334—339. См. также: С. Нордфельд. Казанский стол Разрядного приказа. «Изв. общ-ва археол., истории, этнографии», т. 28, вып. 6. Казань, 1913, стр. 535—553.

¹⁴ См. работы А. А. Гроздано-Голомбиенского, Н. Я. Гаварина, П. П. Шумко, В. В. Шереметьевского в ОМАИО, кн. 5—7. М., 1888—1890.

вателя, отложившейся в документах современных ему учреждений. Последний путь оказался наиболее результативным.

В то же время неудача Загоскина свидетельствует о необходимости решать эти вопросы в связи с исследованием истории самих материалов.

К числу фондов, вынужденных из поля зрения историков, относятся материалы одного из нарядных приказов — Военного, или Приказа военных дел, существовавшего в первое десятилетие XVIII в. Известия об этом учреждении были весьма незначительны, хотя и свидетельствовали о том, что оно сыграло выдающуюся роль в организации русской регулярной армии. Достаточно вспомнить петровский «Регистр коллегии», который, определяя «должность» Военной коллегии, предписывал ей вести «армию и гарнизоны и все воинские дела, которые были ведомы в Воинском приказе и которые приключаются во всем государстве»¹⁵.

Однако в литературе имели место самые противоречивые и ошибочные представления о функциях, компетенции и времени существования этого приказа. Для решения этой задачи нужны были документальные источники.

Еще в 1910 г. И. С. Беляев, выяснявший наличие документальной базы изучения истории русского военного искусства, отмечал, что наука не располагает материалами Военного приказа. Он тогда же поставил задачу выяснения их судьбы¹⁶. К началу XX в. крупнейшие хранилища древних актов — Московский архив Министерства юстиции, Московский отдел Архива Министерства императорского двора и Московский главный архив Министерства иностранных дел — были приведены в определеннейший порядок и доступны для исследования. Материалы Военного приказа здесь не было.

Правда, в Москве было еще одно крупное хранилище, где, в частности, хранились и немногочисленные документы начала XVIII в., принадлежавшее военному ведомству — Московское отделение Общего архива Главного штаба, или Лефортский архив. Это хранилище находилось в хаотическом состоянии, что дало основание крупнейшему дореволюционному архивному деятелю Д. Я. Самохвалову назвать его «спиритом великого нестроения наших архивов древних актов»¹⁷. Учета материалов фактически здесь не было, описи были в безобразном состоянии.

Это и явилось причиной того, что Беляев и другие современные ему историки не знали об остатках фонда Военного приказа, хранящихся в Лефортском архиве.

Какова судьба фонда Военного приказа (Приказа военных дел)?

Как известно, этот приказ был создан 18 февраля 1701 г. на базе давно уже слитых Иноземского и Рейтарского приказов. С 23 июня 1701 г. его было предписано именовать Приказом военных дел¹⁸, до этого его продолжали именовать по-старому. Одновременно с образованием нового ведомства ему был передан и архив Иноземского и Рейтарского приказов — книги личного состава, записные, расходные и приходные книги и вообще «всякие дела».

В 1711 г. Военный приказ прекратил существование, его место заняла Главная военная (или просто Военная) канцелярия, продолжившая его делопроизводство и унаследовавшая его архив.

Первое известие о массовой гибели материалов Военного приказа относится к тому времени, когда он еще назывался Иноземским, но по существу уже был Военным, — 19 июня 1701 г.¹⁹ Вместе с незначительным новым делопроизводством сгорела обширная документация бывших Иноземского и Рейтарского приказов. Следующая значительная потеря относится к 1737 г., когда Москву охватил грандиозный пожар.

¹⁵ ПСЗ, т. V, № 3265, стр. 601.

¹⁶ Ив. Ст. Беляев. Документы Московского архива Министерства юстиции для выяснения задач для Русского военно-исторического общества. «Журнал имп. Русского военно-исторического общ-ва», 1910, кн. 1, отд. IV, стр. 13.

¹⁷ Д. Я. Самохвалов. Архивное дело в России, кн. I. Современное русское архивное строительство. М., 1902, стр. 55.

¹⁸ ПСЗ, т. IV, № 1736, стр. 14—15; № 1859, стр. 170.

¹⁹ ЦГАДА. Рукон. отдел биб-ки Моск. гл. архива МЦД, кн. 819, лл. 486—486 об.

В материалах следственной комиссии прямо указывается, что на этот раз погибли «дела по Военной канцелярии с 702-го году» и наборах солдат на стодей венских чехов и вильских герцогах, о вольных людях, записавшихся в солдаты, о наборах датских из баварских людей. Погибли и делопроизводство самих наборщиков до 1710 г. включительно²⁰.

Следующая и главная утрата относится, по-видимому, к 1812 г., когда, по словам заведующего Московским отделением Общего архива Главного штаба Г. А. Александрова, «дела [премспе] императора Петра Великого, хранящиеся в Москве ... сгорели за исключением весьма незначительного числа их»²¹. Между тем, к 1812 г. в этом архиве хранилось значительное количество дел Военного приказа.

Это видно из справки, наведенной здесь в 1866 г., в которой сообщалось, что дела Военного приказа в Главной военной канцелярии «хранились в Москве и во время нашествия в 1812 году неприятеля сожжены, а ... описи [их находились] в Московском отделе Архива». В том же году эти описи были отправлены в Петербург: «две описи сожженным в 1812 году делам: а) за № 1/239 Военного приказа и Военной канцелярии с 1701 по 1707 год²² и б) за № 2/240 таким же делам с 1707 по 1720 г.»²³. Что же осталось от фонда Приказа военных дел? В ЦГВИА, унаследованном материалами Московского отделения Общего архива Главного штаба, хранится фонд Главной военной канцелярии, вернее то, что осталось от последнего. Но и это представляет довольно значительное собрание, составляющее 500 с лишним единиц хранения.

Насколько полно освещают они деятельность этой канцелярии, сейчас ответить трудно, поскольку круг ее деятельности еще не подвергнется исследованию. Исход, однако, что, теряя всякие функции Военного приказа, она унаследовала и его архив. Это следует не только из того, что материалы обоих учреждений числятся по общим описям, но и из того, что в фонде Главной военной канцелярии сохранились отдельные подлинники дела 1705—1711 гг., относящиеся к делопроизводству Военного приказа.

Всего этих дел около 60, и посвящены они главным образом хозяйственно-административным вопросам: организации денежного довольствия регулярной армии, выплаты жалованья русским пленным в Шлеци, медальонного освидетельствования больных и убитых солдат и офицеров, заплатам прожатым чиновникам денежными средствами, канцелярских расходов приказа, списки служебных командированных армян и т. д.²⁴

В 1936 г. к этим материалам было присоединено несколько документов Приказа военных дел, хранящихся до этого в ЦГАДА на правах ономонимного фонда (ф. 1823). Это было незначительное собрание (20—25 листов), несомненно составленное из разрозненных бумаг Военного приказа 1705—1710 гг., причем — не только из документов, некогда действительно входивших в его фонд, но и из бумаг, посланных из Военного приказа в другие учреждения и, стало быть, относящихся к другим фондам. Они касались вопросов наборов датских, освидетельствования больных и розыска беглых солдат, распределения новобранцев солдат по полкам и т. д.

²⁰ ЦГАДА. Следственная комиссия о пожаре 1737 г., оп. 1, д. 40, л. 30 об.

²¹ ЦГВИА. «Архив архива», оп. 1, д. 236, л. 3.

²² Это ошибка: Главная военная канцелярия возникла, как уже отмечалось, в 1711 г.

²³ ЦГВИА. «Архив архива», оп. 1, д. 228, л. 1—2.

²⁴ В 1930 г. отмечалось, что «после архивной реформы [1918 г.] в Дрездехранилище Московского центрального исторического архива (ныне часть ЦГАДА) поступило 36 дел Нюземского приказа, Приказа военных дел и Главной военной канцелярии («Архивное дело», 1930, № III—IV, стр. 63). Здесь имеются в виду те самые дела Военного приказа, которые дошли до нас в составе фонда Главной военной канцелярии. На обороте титульного листа описи этого фонда действительно имеется заметка архивариуса Жеребцова, сделанная 3 февраля 1918 г., о передаче 37 дел (хваленыя номера дел) в бывший архив Министрства юстиции, т. е. в Дрездехранилище. Однако фактически передача либо не состоялась, либо переданные дела были возвращены обратно, так как все указанные дела по-прежнему находились в фонде Главной военной канцелярии.

Документы Военного приказа, дошедшие до нас с материалами Главной военной канцелярии и архивохранившиеся к нам в 1936 г., отгравированы 1765 г. Следовательно, они составлены по форме тетрадного делопроизводства, введенного в этом приказе весной 1712 г.²⁵ Материалов предыдущих лет здесь нет, но их остатки обнаруживаются среди «стоблоров Разрядного приказа».

Так, в «стоблорах Московского стола» имеются «столики» Военного приказа с документами января и февраля 1702 г., сохранившимися в том порядке, в каком они столжались в приказе²⁶.

Несмотря на небольшой объем документации этого столбика (44 л.), она весьма разнообразна и позволяет судить о характере повседневной деятельности Военного приказа.

Четвертую часть документов составляет переписка (с 26 по 31 января) с Посольским приказом об избрении в Немецкой слободке денщиком полковника Букгофена воеводы датского посланника. Виновик был наказан в Посольском приказе батогами и возвращен в Военный приказ.

30 января Приказ Большого двора обратился с просьбой выделить солдат для сыска в Московском уезде «каменных ломщиков и известных обшлагальщиков», которые предназначались к строителью Таганрога, «магазейная» и галани. Военный приказ распорядился выделить трех человек из «генеральства» Н. И. Репнина.

2 февраля послана грамота полковнику Митчелу в Белгород о назначении на место умершего в его полку поручика Дубенского поручика-наводчика Полмана.

4 февраля направлена грамота новгородскому губернатору генералу Я. В. Брюсу об откомандировании для отчета в Военный приказ комиссариуса Т. В. Квашинина-Самарина, находившегося с 1701 г. в Новгороде в «депешной казначействе» с указанием, до чего он тут «денежную казну роздала и с приходящими и с расходуемыми шагами». Аналогичная грамота в тот же день послана самому Квашину-Самарину.

6 февраля поступила казнь Немецкого приказа: прислать одного капитал-дочашина — «быти ему по его великого государя именному указу королевского подчества датского у чрестьянчайшого посланника Павла Гелва в приставах».

Почти половину столбика занимает делопроизводство по челобитным, поданным в Военный приказ о выдаче жалованья за январь 1702 г. солдатам полка И. А. Буша, составленным для переправки в Москву «об отделе от службы поручика Вас. Свистачина (мерека выдан в яровой саж и в луно); об отделе армянца Артемия Свистача. В Военном приказе не смогли определить характер заболевания Свистача: «во рта малой язьчик выгнати и из носа идет кров». И от той болезни он «лицо бледен и говорит худо». Свистач был направлен в Аптекарский приказ — «застать болельи его осмотреть доктору». На одном из последних листов «столика» сохранилось заключение ученого медика Л. Бламентроста на латинском языке и приказной его перевод (л. 38).

В фонд Разрядного приказа эти документы попали, по-видимому, вскоре после ликвидации Военного приказа, когда, судя по доношению Главной военной канцелярии Сенату в конце 1712 — начале 1715 г., разрядные «дела в сундуках и коробьях, и в ящиках» лежали «в верхних и нижних палатах многие с делами Военной канцелярии вместе»²⁷.

Из многовековой практики известно, что безнадзорное совместное хранение потерпевших оперативное значение материалов — почти всегда ведет к их смещению. Следовательно, поиски остатков делопроизводства Военного приказа в фонде Разрядного приказа можно продолжать. При этом нельзя забывать, что до июня 1701 г. Военный приказ назывался по-старому: Нюземским или Рейтарским. Значит, пере-

²⁵ См. Б. П. Автократов. К истории замены столбиковой формы делопроизводства тетрадной в начале XVIII в. «Проблемы источниковедения», т. VIII, М., 1939, стр. 285.

²⁶ ЦГАДА. Разрядный приказ, Московский стол, ст. 755, столбик I.

²⁷ ЦГВИА. ГВР, св. 46, д. 42, л. 10.

писка с февраля 1700 г. по июль 1701 г., несмотря на укомандованье в ней старших из аманов, относятся к Военному приказу.

Читатель уже заметил, что разрывная сохранившиеся остатки фонда и запутанно выписки судьбы всех его материалов, мы или одним из тех путей, который был проложен и другими исследователями. Поскольку найденные фрагменты делопроизводства Военного приказа хотя и представляют интерес, но не дают целостной картины его деятельности, внимание исследователи невольно обращается к другому способу восстановления утраченной документации: обследованию содержания иных фондов. В этом плане исключительный интерес представляет богатейшая финансовая отчетность московских приказов.

В марте 1701 г. Ближняя канцелярия подписала всем приказам периодически представлять перетченом ведомости налички, прихода и расхода денежной казны и других денностей. Это требование приказы выполняли в течение ряда лет, и Ближняя канцелярия имела возможность контролировать финансовую деятельность центральных учреждений, учитывала наличие у них денежных средств и составлять государственный бюджет.

Приходо-расходные ведомости подавались в Ближнюю канцелярию ежемесячно и, кроме того, в конце каждого года — в форме обобщенного годового отчета. Черновые экземпляры ведомостей оставались в фондах приказов, но за редким исключением не сохранились.

В Ближней канцелярии каждый годовой комплект переплетался в отдельную книгу. В свою очередь в этой канцелярии на основании полученных ведомостей составлялись ежегодные краткие экстракты по каждому приказу, в которых, как правило, фигурировали общие суммарные цифры по двум основным статьям движения *окладных* доходов и расходов и *неокладных*. Лишь в отдельных случаях доходы и расходы расписывались более подробно, чем обычно, но никогда так глубоко, как в подлинных приходо-расходных ведомостях²⁵.

Таким образом, в фонде Ближней канцелярии отложилось две группы материалов финансовой отчетности приказов: подлинные подробные приходо-расходные книги и составленные на их основе экстракты. Обе группы дошли до нас почти полностью, но они уже давно не составляют единого целого.

Известно, что в 1719 г. в связи с ликвидацией Ближней канцелярии ее дела были разделены в Сенатский архив²⁶, но когда и вследствие каких причин началось раздробление фонда этой канцелярии, еще не известно.

Что касается судьбы интересующей нас отчетной документации, то можно сказать следующее: приходо-расходные книги 1701 и нескольких следующих лет найдены образом оказались в Архиве Московской дворцовой конторы, слатой в 1683 г. в Архивом Оружейной палаты. Другая часть книг, относящаяся к 1708—1709 и более поздним годам, в 1830-х гг. вошла в Государственный архив Российской империи и здесь была «сперасована» на несколько тематических «разрядов». В частности, дела Военного приказа были включены в «XX разряд» («Дела военные»). В «XIX разряд» («Финансы») этого же архива были переданы экстракты приходо-расходных книг, являвшиеся собственно делопроизводством Ближней канцелярии.

Первым из ученых, обратившим внимание на приходо-расходные книги в Архиве Московской дворцовой конторы, был Г. В. Есинов, занимавшийся разбором и описанием его материалов²⁷. В 1864 г. президент Московской дворцовой конторы доносит министру Императорского двора, что Есинов, «занимающийся...» рассмотрением дел архива сей конторы, нашел дела и книги старшего времени, которые, не включая в

²⁵ Экстракты очень облегчают использование суммарных показателей прихода и расходов приказов, поскольку арифметические подсчеты движения сумм показаны здесь в точном лице. Зато в них пропадают детали, иногда весьма ценные для восстановления истории приказа.

²⁶ П. Миллюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е СПб., 1905, стр. 312.

²⁷ Об этой деятельности Есинова см.: Г. А. Богуславский. Из истории Архива Оружейной палаты. «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 221—222.

себя никаких сведений по придворной части, поддает, по мнению его, передаче в надлежащее министерство по принадлежности». В частности, книги Военного приказа было предложено принять Мейергофскому архиву.

Однако вскоре эта затея была оставлена: «Московская дворцовая контора признала за лучшее оставить означенные книги в своем ведении»²⁸. Это спасло от раздробления прекрасное собрание приходо-расходных книг московских приказов.

Известно, что экстракты Ближней канцелярии «XIX разряда» были обстоятельно обследованы буржуазным историком П. Н. Миллюковым и положены в основу его исследования о государственном хозяйстве России в первой четверти XVIII в. Не обращаясь к критике основных положений этого автора, отметим, что он грубо ошибается, рассматривая действительность Военного приказа исключительно в плане питания правительству направить расходование возросшего военного бюджета через каналы старой приказной системы управления²⁹.

Помимо общих методологических пороков, свойственных работе Миллюкова, на выводы автора несомненно наложил отпечаток односторонний подбор источников: экстракты из приходо-расходных ведомостей в свое время выражают ту сторону деятельности приказов, которая связана с финансовыми вопросами, в данном случае — с финансовым обеспечением войск, и почти ничего не сообщают о других сторонах его деятельности (комплектование регулярной армии и т. д.).

Правда, и подлинные приходо-расходные книги не дают полного ответа на эти вопросы: они лишь глухо свидетельствуют о том, что наряду с финансовыми функциями у Военного приказа были и другие.

Поэтому поиски документации необходимо продолжать и в первую очередь попытаться восстановить порезнику Военного приказа.

Обследованно материалов приказов, действовавших в начале XVIII в., показало, что среди них имеется значительное количество оригиналов наместей Военного приказа и отписок наместей, направленных в его адрес.

Главными «восточками» переписки с Военным приказом оказались фонд Разрядного, а также материалы Посольского и соединенных с ним приказов — Новгородского, Смоленского, Малороссийского и других, сосредоточенные в ряде коллекций: «Приказные дела старых лет», «Приказные дела новых лет» и т. д. Они характеризуют многие стороны деятельности Военного приказа по комплектованию регулярной армии «датными людьми» и рекрутским, по созданию национального офицерского корпуса, зачислявшие на русскую службу иностранных офицеров. Выявленные здесь документы освещают функции Военного приказа в качестве высшей военно-медицинской комиссии, использованные раненых ветеранов для обучения новобранцев солдат и драгун.

В материалах Государственного двора в Преображенском, ныне числящихся со «слухим» реестрам Известного приказа, обнаружена переписка, характеризующая ранний период деятельности Военного приказа (1700—1702 гг.): присылку начальных людей на Генеральный двор, где комплектовались первые регулярные полки, визую квалификацию этих офицеров, побег «вольных» людей со службы, приведение в боевую готовность войск «нового строя» перед войной со Шведией и т. д.

Переписка Военного приказа с главным органом политического сыска — Преображенским приказом носила специфический характер и была связана главным образом с передачей судебных дел по подведомственности. Военный приказ судил и караульных солдат, но передавал Преображенскому приказу тех из них, которые объявляли за собой «слово и дело». Таким образом, в делах Преображенского приказа отложилось бумаги многих следственных дел, начатых Военным приказом.

В свою очередь Преображенский приказ отдавал подсудимых Военному, если не выходя за ними преступлений политического свойства: дела о кражах военного имущества, укрывательстве беглых, злоупотреблении дворян от службы и т. д. Решения по этим делам неизвестны, поскольку они погибли с документами.

²⁸ ЦГИА. «Архив архива», оп. 1, д. 225, лл. 3—6 об.

²⁹ П. Миллюков. Ук. соч., стр. 101—103, 121 и др.

Военного приказа. Однако, как мы увидим, пути к восстановлению содержания судебной документации Военного приказа отрезаны не полностью.

Переписка с Монастырским приказом раскрывает порядок содержания конского состава драгунской канцелярии в монастырских восточных под наблюдением специальных чиновников, рассказывает о методах заготовки фуража и создании запасов кормов.

В 1711 г. Военный приказ поступил в подчинение в Сенату, материалы которого являются очень ценным источником по истории последних месяцев деятельности приказа. Значительное количество «доношений» Военного приказа и состоявшихся по ним «приговоров» Сената опубликована под редакцией Н. В. Калачева, причем доношения явоччаты сокращенно, а приговоры — полностью³³.

Переписка Военного приказа с местными органами воеводской власти привлекалась из фондов приказных изб (Напиревской, Шацкой, Переяславль-Залесской и др.). Несмотря на плохую сохранность материалов этого ряда, в них же удалось выявить грамоты Военного приказа и отписки воеводских отписок в его адрес. Поскольку дела о наборе в Военном приказе солдат и драгуны, как уже отмечалось, спореди, обнаружившая шероховатая представляет определенный интерес, раскрывая конкретные условия, в которых проводилось комплектование регулярной армии в провинции: воеводам приходилось преодолевать сопротивление не только помещичьих крестьян и дворовых людей, страшившихся ужасов солдатчины, но и не меньшей мере и их господ, для которых потеря рабочей силы грозила разорением.

Так, в фонде Переяславль-Залесской приказной палаты имеется около десятка грамот Военного приказа, присланных в 1708 г. воеводе Н. И. Мещеринову, о наборах драгуны (со 100 крепостных дворов по человеку) и пехоты солдат в московский гарнизон (с 40 дворов по человеку). В фонде Шацкой приказной избы сохранились переписка с наборе даточных весной 1706 г. и т. д.

Таким путем в круг «вышедшей» документации внесена переписка с центральными и местными органами власти.

Важнейшей частью фонда Военного приказа была переписка с его полевыми отделениями — «военными», или «комиссарскими» шатрами, канцеляриями военачальников и другими походными канцеляриями. Переписка эта (за исключением немногих документов походной канцелярии А. Д. Мелешкина) не сохранилась.

Не располагаем мы и внутренней документацией приказа: «списками» писем (которые связывают между собой приказные почтовые, судебными делами, «сказками» — записями устных докладов воевод и офицеров о выполнении заданий. Нет никаких книг — денежных, записных, указных и т. д.

В распоряжении исследователей очень мало черепитных, позволяющих определить характер жалоб и претензий лиц, подведомственных Военному приказу. Помимо «челобитных», дошедших в составе «списков» 1702 г., сохранилось незначительное количество челобитных, поданных приказными людьми и прикомандированными офицерами, об удовлетворении жалований, повертании постоянных окладов и др.

По-видимому, уникальной является челобитная ученика приказного заплечных дел мастера. Выучась своему ремеслу, он просил летом 1708 г. назначить его на постоянную должность и пожаловать окладом: «вели, государь, учинить мне ради моей скудости, на плечи и на концы, и на всякую снасть... жалованье»³⁴.

Почти полностью отсутствуют документы, выданные Военным приказом служивым людям в обеспечении их личных прав или льгот.

Мы могли бы продолжить рассказ о восстановлении документации Военного приказа путем обследования содержания других фондов, но в этом нет необходимости, поскольку вопрос этот сам по себе уже ясен. Кроме того, помимо поисков сохранившихся фрагментов погибшего фонда и выявления переписки фондообразователя

в материалах современных ему учреждений, возможны и другие пути восстановления утраченной документации: в первую очередь, исследование содержания «отраженных» материалов.

Целый ряд источников в той или иной степени отражает содержание других, часто не дошедших до нас, документов с удовлетворяющей исследователя степенью подробности.

Среди них особый интерес представляют старые архивные описи, ценность которых заключается не только в том, что они рассказывают об утраченных материалах и подчас являются единственным отражением их содержания, но и в том, что они характеризуют их в той совокупности и взаимосвязи, в какой они хранились некогда, что позволяет представить былой состав определенного собрания. Сравнивая имеющиеся и имевшиеся, мы можем судить о том, что же потеряно и что, быть может, следует попытаться восстановить.

Хорошо известна научная ценность уникальной «Описи Царского архива», описей Посольского приказа 1614 и 1626 гг., Разрядного приказа и Новгородской четверти того же 1626 г. Описи дел Разрядного приказа 1626 и 1638 гг. исследованы А. А. Гоздаво-Голомблевским на предмет установления исторической структуры приказа, и это позволило ему опровергнуть многие ошибочные взгляды П. П. Загоскина³⁵.

В то же время значительное число подобных описей еще не включено в научный оборот. В ЦГИА, например, имеется целый ряд так называемых «пустых описей» экспедиций и звоний Военной коллегии, в которые записаны дела, совершенно не сохранившиеся к настоящему времени.

Для истории Военного приказа исключительный интерес представляли бы упомянутые выше описи Военного приказа и Главной военной канцелярии, относящиеся в 1636 г. из Лефортовского архива в Петербург. Хронологический диапазон описей, целиком охватывающий период деятельности приказа, даст основание считать, что они полно раскрывали состав фонда, а возможно и структуру самого учреждения, о которой мы знаем слишком мало. Однако судьба этих описей не выяснена.

Возникает вопрос: нельзя ли заменить отсутствующие описи чем-нибудь аналогичным? В этой связи внимание привлекает так называемый «Реестр швейцарских повелительных указов», хранящийся в фонде Главной военной канцелярии в раскрывающей в предельно краткой форме содержание 40 по-видимому, важных, но неаттестованных документов с компактными и финансовым обозначением указов³⁶. Реестр можно было бы воспринять краткой формой записной книги указов Военного приказа, некоторые из которых обозначались без особых затруднений. Так, под № 5 в реестре упоминает указ о комиссарах: «важно быть беспеременным». Приведенная запись определенно ассоциируется со словами указа 19 декабря 1707 г.: «Комиссарам в армии быть непременным, а жалованья давать им против казначеев»³⁷.

Однако дальнейшие наблюдения показали, что реестр является лишь списком справок, составленных чиновниками Главной военной канцелярии по вышедшим в их распоряжение материалам архива Военного приказа.

Все же положение, оказавшееся столь безнадежным, как можно было предполагать. В том же фонде хранится опись материалов 1700—1705 гг. походной канцелярии крупнейшего военачальника петровской эпохи Б. П. Шереметева³⁸. С делами Военного приказа и Главной военной канцелярии эта опись не имеет никакой генетической связи и пошла сюда случайно³⁹.

В указанные годы Шереметев командовал «Большим полком» и детальный

³³ А. Голомблевский. Столы Разрядного приказа..., стр. 3.

³⁴ ЦГИА. ГВК, св. 6, л. 8, ч. 1.

³⁵ ИСЗ, т. IV, № 2181, стр. 400.

³⁶ ЦГИА. ГВК, св. 1, л. 1. Остатки исполнения Канцелярии Б. П. Шереметева за 1705—1717 гг. имеются в «XX разряде» (ЦГАДА); переписка с искомыми приказами там не обнаружена.

³⁷ Опись была присоединена к этому фонду в фонде XIX — начале XX в.

³³ «Доклады и приговоры, состоявшиеся в присутствующем Сенате в царствование Петра Великого», т. I. СПб., 1880.

³⁴ ЦГИА. ГВК, св. 1, л. 10, ч. 23.

анализ содержания описи мог бы дать много сведений не только о начальном периоде Северной войны, но и для исследования развития военно-походной организации русского войска и изучения постановки ее дезорганизации. Однако это не входит в нашу задачу. Отметим только, что в описи учтена почти исключительно входящая корреспонденция и отсутствует единство описательных приемов.

Так, «столбцы» описаны весьма подробно, но без указания корреспондентов, о которых можно лишь догадываться: «1701 г. ... Столп 5-й, а в нем великого государя 4 грамоты: 1-я — о посылке во Псков аптекаря с лекарствами, 2-я — о покупке драгунских лошадей, 3-я — о даче на драгунские полки денежного жалования из Золотые волаты, 4-я — о даче жалования дяку Архипу Моисееву...» (л. 4).

По-видимому, первая из грамот прислана из Аптекарского приказа, а вторая из Военного (хотя закупку лошадей занимались и другие приказы). Следующая грамота несомненно связана с именным указом 1 января 1701 г.: «для высылки своей войска избирать дюныи на строение повочиненных драгунских полков в Золотую волату»⁴⁰ и, вероятно всего, прислана оттуда. Последняя грамота безусловно принадлежит Военному приказу, поскольку в ней упоминается один из его дюнов, находившийся на комиссарской работе в войсках.

В других случаях авторство Военного приказа устанавливается проще: «послужная» о предоставлении комиссарам лошадей и провозных (л. 5), «о выборе комиссаров» (л. 6 об.), «о даче жалования ратным людем от комиссарских дел, которые по Приказу военных дел» (л. 7) и т. д.

Входящая корреспонденция, составленная по новой тетрадной форме (с 1702 г.), описана с указанием в каждом случае полной даты получения и корреспондента и подокументна, вследствие чего более подробно отражено содержание документов: «Грамота из Военного приказу о ведении, что во Пскове и в Нове Городе в Большом полку у родачи денежные казны ратным людем велено быть комиссару князю Семену Болконскому» (15 января 1703 г., л. 50 об.) и т. в.

Опись сохранила сведения о большом количестве грамот Военного приказа в их совокупности по отношению к определенному адресату за значительный отрезок времени, но она ничего не сообщает об ответной корреспонденции, концентрировавшейся в фонде Военного приказа, и не помогает восстановить ее содержание.

Иной характер носит другая группа «отражающих» материалов, в рассмотрении которой мы сейчас обратимся.

В системе московских приказов в начале XVIII в. продолжал действовать старинный Печатный приказ, ведавший сбором печатных пошлин за изготовление печатей и официальным бумагам, обеспечивающим интересы частных лиц. Содержание этих «являемых» документов подробно вносилось в ежемесячные записные книги. В частности, в них зафиксированы выданные Военным приказом свидетельства о болезни, отставке, отпуске от службы, замене службы родственниками или наемниками.

Здесь же зарегистрированы «отпускные грамоты» вдовам убитых солдат с разрешением «идти, где она похочет»; грамоты о независимости с помещиков по разным причинам рекрут или даточных; предписания городовым воеводам о проведении следствий на местах или присылке в Москву судебных дел, участниками которых были лица, подведомственные Военному приказу, и т. д. В книги вносились и решения по разбиравшимся в этом приказе судебным делам. Содержание записей расширяет наши сведения о характере юрисдикции Военного приказа: разбор взаимных претензий дворян, служивших в регулярном войска, жалоб на «обещание»; увечья, «свозя» и укрывательство дворян и крепостных и т. д.

Попытаемся теперь найти пути к восстановлению содержания указов, т. е. тех распоряжений, которыми руководствовался Военный приказ в своей деятельности, и в этой связи еще раз обратимся к «Регистру написанных повелительных указов»,

оказавшемся, как уже говорилось, единственным справкам, составленным в Главной военной канцелярии по материалам не дошедшего до нас фонда Военного приказа. В этом фонде, действительно, имеется ряд справок, содержание которых соответствует сформулированным в регистре записям («О даче 38 полкам кормовых денег», «О даче 3-м полкам кормовых денег» и др.).

При этом оказывается, что почти каждая справка открывается изложением указов, которым руководствовался Военный приказ, организуя выплаты жалования регулярной армии, налаживая службу комиссарских чиновников, проводя многочисленные наборы новых воинских контингентов и т. д. Видимо, это и дало основание назвать список регистром «повелительных указов».

Иногда справки приводят содержание двух и более указов. Например, справка о результатах набора «юношцы» в Военном приказе и Главной военной канцелярии открывается двумя указами: 31 марта 1700 г. о порядке набора молодых людей в Преображенском на Генеральном дворе и 12 ноября 1702 г. о записи их в Военном приказе⁴¹.

Тексты указов приведены здесь в сокращенном изложении. Это — не «копии, слово в слово». Следовательно, и на этот раз перед нами «отражающий» источник, а не копии подлинных документов.

Тай был найден подход к восстановлению некоторой части указов, некогда хранившихся в фонде Военного приказа.

Но «сокращенный текст» указов — только начало справок. Их дальнейшее содержание складывается из обычных выкладок и подчетов, выполненных по материалам того же фонда. Что же они представляют собой?

Справки не исчерпываются теми, которые учтены «регистром», — имеются обобщающие источники такого же типа, хранящиеся в фондах Сената и Кабинета Петра I. Среди последних была найдена и опубликована А. З. Мышляевским ведомость, составленная еще в Военном приказе. Она содержит сведения о формировании в 1703 — первой половине 1706 г. новых полков и маршевых команд и отправке их в действующую армию, в пограничные крепости и в другие места.

Отправка по назначению почти каждого формирования отражается записями о характере формирования («специм полком», «в комплект»; т. е. для пополнения существующих частей), его социальном составе (за барских и помещичьих дворян, «московского чина и городских недворян» и т. д.), в каком военачальнику назначено или куда («к российскому генералу Меньшикову, в Петербурге»), с каким «старшинство» офицерами и в каком количестве отбыло и прибыло к месту назначения, причины убыли, документальное основание последних сведений («а по отписке господина генерала Брюса те драгуны приняты, а по сказке [квартирного офицера] полуполковника Цестова отдал жалко 1232, болело 6, умерло 4 человека»), а по ведомости из Интернациональной походной канцелярии те драгуны приняты сплошь).

Ведомость приводит погоду и общий итог отравления на Военного приказа формированиям⁴².

Другие аналогичные источники составлены по материалам Военного приказа уже после его ликвидации, однако они имеют выдающееся значение для исследования деятельности приказа, поскольку в них (так же как в ведомости 1706 г.) поглощено и обобщено содержание массы первичных документов (донесения «барских» даточных и рекрут, «сборщиков налога на содержание драгун, «казаков» «квартирных» офицеров, «смотренных и разборных списков и т. д.). О многих из них мы почти ничего не знаем.

В 1713 г. известная нам ведомость 1706 г. была использована при составлении «Ведомости Главной военной канцелярии Сенату аналогичного содержания — типа и назначения ее целиком. Ведомость охватывала большой промежуток времени: — 1702—

⁴¹ ЦРВИА, ГВК, св. 6, л. 3, лл. 2—6 об.

⁴² ЦГАДА, Кабинет Петра I («Регистр I»), отд. II, кн. 3. Доклады службы «Сборщик военно-исторических материалов», вып. V. СПб., 1893, стр. 303—314.

⁴⁰ ЦГАДА, Оружейная палата, опись А. Викторова, ц. 1030, л. 1 об.

1711 г. Составленное наспех (эпокамест те ведомости введены будут, из Военной канцелярии, дьячки и подьячих выпускать не валею и приставак караул), ведомо имеет отдельные издания, касающиеся формирования 1706—1711 гг. Тем не менее, это — единственный источник, детально рисующий историю формирования регулярной армии в Военном приказе за все годы его деятельности в этом направлении⁴³.

Другие справки сообщают сведения о наборах даточных, «вольных» и «гулящих людей», о разборе последних остатков континентов людей «нового строя», доставшихся Военному приказу в наследство от его предшественников XVII в. — Изоземского и Рейтарского приказов, о порядке выплаты жалованья личному составу трех «генеральств» (дивизий), о мерах по борьбе с побегам солдат и драгунов и т. д.

Особый интерес представляет ведомость, составленная в 1724 г. по заданию Сената в Канцелярии рекрутского счета, о комплектовании регулярной армии в 1702—1709 гг. Члновники канцелярии подняли колоссальный первичный материал Военного приказа, переданный к этому времени в их распоряжение, начиная с документов о наборе 7000 «вольных» человек в Москве и ряде других городов, проводившемся согласно указу от 11 декабря 1702 г., и до документов о наборах 1708 г. О каждом наборе приведены весьма подробные сведения.

В этой же ведомости использованы материалы о рекрутских наборах 1705—1709 гг. Поместного приказа, также сконцентрированные в Канцелярии рекрутского счета, и местные списки 1708 г. разбора колонов комиссией царевича Алексея.

Ведомость 1724 г. известна в двух не вполне идентичных копиях, переписанных одной рукой, в фондах Сената и Кабинета Петра I⁴⁴. Второй экземпляр был известен еще Н. Г. Устрялову, опубликовавшему «выжимки» из него⁴⁵.

Ведомости, ведомости, справки разных типов — неиссякающий источник. Анализ их содержания позволяет судить о первоисточнике по нес первичной документации.

Зачаточная рассказ о воссоздании утраченного фонда приказа, короче следствием этого и его отчетность, установить наличие его финансовой отчетности и перепоски с центральными и местными органами управления в других фондах, получить отраженное, как бы «из вторых рук», но все же достаточно четкое, представление о его перспективе о полковой канцелярии крупного военачальника. В книгах Печатного приказа дане внимание привлекла многозначная группа списков содержания документов, составленных Военным приказом.

Хотя мы не использовали все возможные каналы выполнения документов воссоздаваемого фонда (возмущение и монастырские архивы, материалы некоторых приказов, многих приказных паб и т. п.), но уже на этом этапе работы выдвигался довольно колоссальный круг источников, непосредственно выходящих к исследуемому фонду. Этот круг, однако, не имел сердечных — не хватало указов, регламентировавших и направлявших всю деятельность Военного приказа. Имеющей пробел частично был заполнен путем извлечения содержания указов из справок Главной военной канцелярии. Этот же источник позволил нам в самой обобщенной форме судить о массе поглощенной первичной внутренней документации, связанной главным образом с вопросами комплектования и формирования регулярного войска.

В деле было использовано несколько приемов воссоздания состава и содержания утраченного фонда: розыск остатков делопроизводства Военного приказа, обследование «материалов» современных ему учреждений, использование отраженной документации, анализ поглощающих источников, обобщивших массу первичной документации.

Нет сомнений, что эти пути можно использовать не только для воссоздания фондов приказов, но и учреждений других эпох.

⁴³ ЦРВИА. ГВК, св. 3, л. 14, лл. 2—23. Документ опублик.: «Словески Военного министерства. 1802—1802», т. IV, ч. I, кн. 1, отд. 1. СПб., 1902. Приложение.

⁴⁴ ЦГАДА. Сенат, д. 694, лл. 446—452 об.; Кабинет Петра I, отд. 1, кн. 37, лл. 428—451 об.

⁴⁵ Устрялов. История Петра Великого, т. 4, ч. II. СПб., 1862, стр. 488—490.

Восстановление архивных фондов является историко-исследовательской задачей, но эта часть историко-исследования неразрывно связана с изучением современного и исторического структуры архивных собраний, с историей архивного дела. Это, невидимому, ни у кого не вызывает сомнений. Естественно также и то, что такая трудоемкая работа не должна преследовать самостоятельные задачи; она призвана служить лишь средством к созданию документальной базы исследования⁴⁶. Эту цель преследовал и автор настоящей статьи, предпринявший архивные розыски материалов Военного приказа для изучения его деятельности⁴⁷.

Однако представилось целесообразным поделиться собранными наблюдениями, тем более что составление документальной базы истории приказного управления в России остается громадное дело для такого рода оценок.

Восстановить все звенья утраченного фонда, как это ясно для читателя, нам не удалось. Практически это невозможно. К тому же задача восстановления всего комплекса утраченной документации и не должна ставиться. В каждом конкретном случае необходимо выявлять лишь ту часть документов, которая дает ответ на поставленные исследователем вопросы. Тем более что существует и другие виды источников по истории фондообразования, не имеющие никакой генетической связи с его фондом: энциклопедическая литература, воспоминания современников русских людей и иностранцев, публицистические произведения и т. д.

Только в совокупности тех и других исследователь создает необходимый для его работы круг источников.

⁴⁶ Это не исключает целесообразности специальных научных работ по созданию сравнительно фондовой принадлежности документов тех архивных собраний, в которых фондовые связи сложны или искусственно нарушены: Оружейной палаты, бывших Государственного архива Российской империи, Военно-учебного архива и др.

⁴⁷ В. П. Автукратов. Военный приказ (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.). В кн.: «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». М., 1950, стр. 228—245; его же. Первые комиссарские органы русской регулярной армии (1700—1710 гг.). «Исторические записки», кн. 68. М., 1961, стр. 163—168.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Л. И. ГРИВОШИН

Важнейшей задачей партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций является усиление идейно-воспитательной работы, воспитание трудящихся в духе коммунистического отношения к труду, советского патриотизма и интернационализма, преодоление пережитков капитализма в сознании людей, борьба с буржуазной идеологией.

В выполнении этой трудной и благородной задачи немалая роль принадлежит архивам — хранителям документальных источников, в которых отражены все стороны общественного процесса: развитие экономики, классовая борьба, политическая история страны, история науки и культуры.

За период от XX до XXII съезда КПСС работники советских архивных учреждений провели значительную работу по пропаганде и популяризации документальных источников, отражающих историю нашей партии и народа, лучшие революционные традиции и трудовые героизм, внеся тем самым свою лепту в дело коммунистического воспитания трудящихся.

XX съезд КПСС уделял большое внимание вопросам усиления идеологической работы. В выступлениях на съезде справедливо отмечалось, что разработка истории советского общества не отвечает требованиям времени и является одним из отстав-